

Преодоление постмодернизма: автор в коммуникативной структуре романа А. Битова «Оглашенные»

Полина Авдиук, студентка, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва), peavdiuk@edu.hse.ru

Исследования модернистской и постмодернистской литературы поэтическое и философское значение метатекста выражают в концепции метафикшена (метапрозы). Представляется, что через анализ коммуникативной структуры метапрозы идеологический потенциал литературного метатекста в постмодернистской системе значений можно подвергнуть критическому осмыслению. Роман Андрея Битова «Оглашенные» развивает тему писательского творчества, которую выражает содержательно и структурно. На наш взгляд, именно структура наррации способна раскрыть ее идеологический смысл, заданный метафикциональной установкой.

Ключевые слова: коммуникативная структура метапрозы, автор и герой, литература и действительность, творческая философия постмодернизма

Для цитирования: Авдиук П.Е. Преодоление постмодернизма: автор в коммуникативной структуре романа А. Битова «Оглашенные» // Метаморфозис. 2025. Т. 10. № 1. С. 79-93.

Дата поступления: 23.01.2025.

Коммуникативная структура метапрозы

Коммуникативная структура предлагает единственного диегетического нарратора. В первых двух частях-повестях – «Птицы, или Новые сведения о человеке» и «Человек в пейзаже» – коммуникация автобиографического повествования не нарушается: нарратор представлен в настоящем времени (экзегесисе), где он выступает повествующим, и в прошедшем (диегесисе) – здесь он повествуемый. В этих текстах важно выделить те особенности *содержания*, которые в третьей части – повести «Ожидание обезьян» – станут проблемами *нарратива*, послужат материалом создания особой коммуникативной ситуации. Это перцептивная близость нарратора с героями Доктором Д. и Павлом Петровичем; его собственная амбивалентность в рамках изображаемого мира (он и действующее лицо истории, и пишущий ее автор); и близость перцепции нарратора и событий сюжета (которые во многом и обуслов-

лены перцепцией, так как основной сюжет – не внешне-, а внутренне-событийный¹) биографии Битова.

Наррация повестей «Птицы...» и «Человек в пейзаже» автотематизирована, повествователь ее осмысляет. В третьей, завершающей роман, повести «Ожидание обезьян» этот материал становится диегетическим: «изменения в сознании»² нарратора-писателя превращаются в историю и передаются ретроспективно. Материал читаемого нами, по сюжету созданного героем-писателем текста, взят из его «объективной» реальности – произошедшего в Абхазии, Ленинграде, а также в двух предыдущих пове-

стях. Но наравне с этими *внешними событиями его биографии*, определяются сюжеты, связанные с литературным творчеством: это сам *процесс написания романа*, осознаваемый нарратором в рамках его «реальной» жизни, и придумываемые им, гипотетические события «ненаписанного текста» – тоже осознаваемые, но уже в рамках процесса творчества. Видно, что этот экзегетический нарратив – история повествования³ – складывается из одного набора событий – материала сознания нарратора. Их «авторская» обработка, переложение в повествование *осуществляется на нескольких уровнях*. С одной стороны, мы наблюдаем внутреннюю жизнь писателя сюжетно (он прямо обозначает, что пишет повести, и размышляет над тем, в каких вариантах он мог бы передать их в будущем произведении); с другой – это «будущее произведение» создается на наших глазах, в той повести, которую мы прямо сейчас читаем. Так в нарративе «Ожидания обезьян» воплощаются коммуникативные эксперименты: персонажи ДД и ПП перенимают опыт самого нарратора и начинают действовать как бы вместо него; сам нарратор попадает в свой «ненаписанный текст» – «ждет обезьян»⁴, говорит со своими героями в «реальной жизни» (это же служит поводом не-исключенности паратекста из

¹ «Событийные элементы битовского сюжета – действия сознания». См.: Шмид В. Андрей Битов – Мастер «островидения» // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 27, 1991. С. 5-11.

² Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 14.

³ Там же.

⁴ Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 358.

повествуемого мира – приложения романа мистифицированы). Важнейшая особенность нарратива – метатекстуальность – реализуется именно в этой операции – когда нарратор приравнивает и смешивает события своей реальности⁵, которая в романе фактуальна (близка битовской биографии), с фиктивным материалом своей писательской фантазии. Условность читаемого нами романа оказывается нарушена. Отделить конкретного автора от фиктивного нарратора невозможно, поскольку события романа, должны быть по определению условными, настаивают на своей безусловности⁶.

Амбивалентность повествующей инстанции обнажает новую степень проблематизации важнейшей для Битова темы, заданной еще в «Пушкинском доме» – темы автора и героя и преодоления границы между ними: «Единственное счастье пишущего, ради которого, мы полагали, все и пишется: совершенно совпасть с настоящим временем героя...» (разрядка Битова – А.П.)⁷. Но если недиегетическое повествование в «Пушкинском доме» создает принципиальную отдельность автора и героя друг от друга⁸, в «Оглашенных» единоличность инстанции нарратора, продуцирующей и автора, и героя вполне позволяет осуществить «совпадение». Однако при этом все еще эксплицируется его ролевая неоднородность. Так, с одной стороны, автор и герой явно совпадают в автобиографическом нарраторе. С другой – «авторская» внесюжетная роль нарратора тяготеет к обрамлению всего художественного мира. Эту функцию особенно подсвечивает «Автор» из паратекста⁹ как экспликация творческого замысла и конструктивного художественного принципа, за которым инстанция отправителя-автора неизбежно стоит. Битову недостаточно автобиографического повествования, пусть даже с метатекстуальными «авторскими» самообнаружениями. Конструируя наррацию с выделенным вне повествуемого мира «Автором», Битов обнажает и остраивает художественную условность всего романа вообще. Уместно в таком случае говорить о конструкции «романа в романе»¹⁰.

⁵ Речь идет как о внешних событиях (например, поездке на Куршскую Косу или в Тамыш), так и о внутренней жизни (писательских переживаниях, творчестве) – все они в равной степени составляют область «реальности» нарратора.

⁶ Единственный критерий фикциональности романа – комментарии к изданию о реальном процессе написания повестей, написанные от лица Битова.

⁷ Битов А.Г. Пушкинский дом. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 396.

⁸ «Мы совпадаем с ним во времени – и не ведаем о нем больше НИ–ЧЕ–ГО» (Битов А.Г. Пушкинский дом. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 408). Герой и автор не могут совпасть и сохранить при этом свои роли; совпадая, они перестают существовать, как и художественный мир вообще, предполагающий непреодолимость дистанции между автором и героем – ср. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; текст подг. Г.С. Бернштейн и Л.В. и Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 41.

⁹ Подписывающийся под эпиграфом и от своего лица представляющий приложения-мистификации.

¹⁰ Лотман Ю.М. Текст в тексте // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 39.

Рассмотрим оба случая «двойного кодирования»¹¹ в «Оглашенных». Сама ситуация «романа в романе» (явленная сильнее всего в повести «Ожидание обезьян» благодаря сюжету истории повествования) создает ситуацию столкновения «реального» и «условного» внутри повествуемого мира: «двойная закодированность определенных участков текста, отождествляемая с художественной условностью, приводит к тому, что основное пространство текста воспринимается как “реальное”»¹². «Оглашенные», таким образом, разделяют мир действительности и мир авторской фантазии, граница между которыми, однако, крайне зыбка. Оба «мира» смешиваются в сюжете, постоянно сменяют друг друга, поскольку создаются на одном событийном материале (в сознании нарратора). В свою очередь, этот событийный материал обнаруживает собственную условность относительно реальности как таковой: *художественный мир становится «жизнью в жизни»* – благодаря подчеркнутой в паратексте «сделанности». Выделение «авторской» фигуры внутри повествования и в паратексте образует двойное обрамление двойного кодирования. Первая «рамка» – «роман в романе», при этом обрамляющий роман («Оглашенные» как таковые) становится «реальностью» относительно вставного (пишущегося нарратором). А сама по себе вторая «рамка» – вставная реальность в реальность вообще, обнаженная фиктивность текста. Это не дает роману превратиться в битовский нон-фикшн, хотя и пользуется материалом его биографии; создает дистанцию между конкретным автором и всеми внутритекстовыми инстанциями. Эти выводы отражают не только и не столько структурные особенности – речь идет о тематической проблематике. Вновь обратимся к «Пушкинскому дому»: «Что станет с литературой, если автор будет в ней поступать, как в жизни – уже известно: не станет литературы. Она сольется с жизнью, от которой призвана отделиться»¹³. Чтобы сохранить литературность в этом понимании, но, тем не менее, добиться «слияния с жизнью», художественное пространство романа помещено в границы жизни, и жизнь выступает его мерилем и критерием. *Художественный мир уподобляется жизни, по значению они уравнены, но эксплицитированный «автор» как носитель вымысла позволяет художественному миру сохранить самостоятельность.*

Попытка онтологической характеристики метатекста. Философская проблематика

Отношения подобия между реальностью и литературой на самом деле обусловлены исторически, биографически для Битова. И это существенно влияет на замысел романа, выражаясь в теме «неизбежности ненаписанно-

¹¹ Лотман Ю.М. Текст в тексте // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 42.

¹² Там же. С. 39.

¹³ Битов А.Г. Пушкинский дом. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 399.

го»¹⁴. Нарратор «Ожидания обезьян» вполне ее излагает в своей писательской рефлексии:

...а я все стоял в обезьяньей роще, не трогаясь с места... История вырывала страницы из моего ненаписанного сочинения одну за другой. Как только стало можно, шутить стало неохота... Все мои предчувствия оказались реальностью, и я опоздал с пророчеством... сказали: все можно. А что можно, не сказали. Мол, теперь можете писать ваших “Обезьян”... а кому они, на три буквы, нужны! <...> Предчувствие, что я упустил время, мною овладело. То есть что я упустил предчувствие. <...> Решительно нечего было мне описывать – вот в чем дело!¹⁵

Потому для «автора» возможно подлинно войти в текст, ощутив реальность как собственный художественный замысел – не осуществленный писателем, но осуществленный историей: «Я не ждал самих обезьян – я попал внутрь текста, описывающего ожидание их. Это – то самое, когда не ты, а с тобой что-то происходит... точь-в-точь это мгновение уже было – и это пространство, и это время, и ты в нем... Было, уже было... Конечно, было! Обычное узнавание ненаписанного текста»¹⁶.

В авторском комментарии – уже действительно от своего собственно лица – Битов о создании «Обезьян» пишет: «А я так хотел предсказать 1984-й! Опоздал. История проехала поверх замысла. Перестройка, гласность, заграница. Всё можно – поговорить не с кем... Опоздав на 12 лет, лишившись прозрений, я был вынужден дописывать “Обезьян” задним числом в другой реальности, в Германии... Союза нет. Империя пала... Роман “Оглашенные” состоялся раньше, чем был написан»¹⁷. Позже он выпустит роман «Азарт, или Неизбежность ненаписанного» и там снова подчеркнет фатальный характер отношений истории и писателя: «Началась перестройка и гласность, и время оказалось окончательно упущенным»¹⁸.

Автор, замысел которого совпадает с жизнью буквально (то есть, его в реальности воплощает история), действительно оказывается объектом, героем этого уже и не фиктивного, художественного текста, но все-таки и не реальной жизни (поскольку она «не выносит быть описанной»¹⁹, а описать он именно ее и собирался, до ее исторического осуществления). Жизнь, превратившаяся в замысел, требует художественного воплощения. Но то, насколько этот замысел правдив – то есть, даже не реалистичен, а просто-на-

¹⁴ Битов А.Г. Азарт, или Неизбежность ненаписанного // Звезда. 1997. №7. С. 108-154.

¹⁵ Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 361-363.

¹⁶ Там же. С. 372.

¹⁷ Там же. С. 443-444.

¹⁸ Битов А.Г. Азарт, или Неизбежность ненаписанного // Звезда. 1997. № 7. С. 154.

¹⁹ Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 329.

просто реален, в реальности воплощен – мешает фикации существовать по ее базовым законам. Можно сказать, что разработке новых и посвящена третья повесть романа. Эту функцию берет на себя метатекст.

Однако попытка тотального сближения жизни и литературы способствует не только метанарративному обнаружению их связи и анализу этой связи в метатексте. Литературное пространство таким образом *приравнивается* к жизни. Битов создает нечто подобное модернистскому житнетворчеству, только как бы в обратную сторону: не выстраивает жизнь по законам творчества, а свое произведение подчиняет законам жизни. «Событие жизни»²⁰, образуемое столкновением автора и героя в художественном произведении, анализируется Битовым буквально как *сама жизнь*. Для анализа это значит, что мы можем использовать идеологическое и тематическое наполнение текста в качестве трактовки коммуникативного устройства, поскольку *философия*, которая создается персонажами, касается познания жизни, а жизнь, как мы определили, в романе равна художественному миру.

Представляется, что все структурные особенности текста и связанный с ними метанарратив сходятся в одной идеологической интенции – в теме творца и творения, напрямую связанной с божественными категориями. Эта тема имплицитно содержится в самой установке на «тематизацию процесса творчества»²¹. Ее идеологические истоки можно обнаружить в развернутой в «Пушкинском доме» теме власти автора над героем, а проследить развитие – на материале «Оглашенных». Бочаров замечает: «Смерть героя от автора – ...дело авторской совести в большей мере, чем в отношениях с живыми людьми... Центральный пункт ее проверки – проверка литературного авторства как обоснованной и оправданной, как бы законной власти. Или же – узурпации власти»²². Рефлексия над неограниченным правом автора и беззащитным положением героя разрешается «проверкой литературного авторства» как такового. Герой-автор «Оглашенных» задается вопросом власти над самим собой в той мере, в какой художественный мир для него равнозначен реальному (и, соответственно, собственное бытие пропорционально в рамках обоих пространств). В отношении «Оглашенных» не релевантно выделять тему автора и героя как полностью самостоятельную. Поскольку автор и герой едины, встает вопрос более общий, включающий в себя в том числе и эту персональную, личностную проблему: *владеет ли автор собственным текстом? А если текст – жизнь, владеет ли он собственной жизнью, являясь ее героем?*

²⁰ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; текст подг. Г.С. Бернштейн и Л.В. и Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 31.

²¹ Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997.

²² Бочаров С. Ахиллес и черепаха // Новый мир. 2008. № 2. С. 168-177.

Тем временем, условия, в которых эта, по сути своей, философская задача осуществляется – то есть условия художественного повествования – позволяет перейти от проблемы автора и героя к проблеме человека. Мы разбираем их именно в такой последовательности (не миновав проблему автора и героя, хотя она, в сущности, для «Оглашенных» не самостоятельна и не первична): у этих проблем общий генезис, и лучше его описывает вторая (экзистенциальная); но, не поняв механизм функционирования первой (литературной), прийти к генезису не получится. *Без самих условий наличия автора и героя – ситуации художественного повествования – невозможно осуществить тот анализ отношений человека с собственной жизнью и с Богом, который лежит в основе творческой философии Битова.* Проблема власти человека над своей жизнью и самим собой коррелирует с темой власти автора над героем и над произведением. Можно сказать, что субъектно-объектные отношения в границах литературной проблематики и экзистенциальной взаимоподобны (в границах художественного мира субъект – автор, объект – герой; в границах жизни субъект – Бог, объект – человек).

Однако эта примитивная пропорция не исчерпывает философского смысла миромодели, которую конструирует Битов. Инструментом их – человека и Бога – коммуникации выступает *творение*, и по-настоящему обнаружить и осознать собственное положение битовский философ может только через него. Творение в романе представлено в трех ипостасях:

1. В «Птицах...» – как природа, *биосфера*;
2. В «Человеке...» творение тематизировано (хотя пока и не воплощено в метатекстуальном сюжете повести) как *художественное произведение*, выступающее средством коммуникации творца-человека и Творца-Бога;
3. В «Ожидания обезьян» – это сама повесть как *актуальный творческий процесс*, тематизированная метатекстом.

Художественное произведение имеет особую функцию. Оно служит условием коммуникации человека и Бога, каналом их связи постольку, поскольку является средством *познания* мира и мироустройства – в процессе творчества²³. Наличие в произведении субъектно-объектной структуры и, вместе с тем, обязательная экспликация этой структуры и ее деконструкция (именно так развивается идея метанарратива «Ожидания обезьян») – условия познавательного процесса. Поиск места человека в мире, определения человеческого бытия для процесса творчества означает следующее: худож-

²³ Ср. реплики Павла Петровича: «Я ведь не из гордости сказал, что я не художник. Я совсем с другой целью. Я вхожу в контакт! Понимаете?.. <...> Я ищу свое место. То есть не свое в частности, это меня мало заботит. А – человека!» (Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 107). «... Где человек? кто человек? и зачем человек? Вот этим я и занимаюсь каждый раз, пытаюсь воспроизвести то, что вижу. Вхожу в контакт» (Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 110).

ник должен отказаться от притязания на авторскую, самостоятельную волю и обнаружить механизм, по которому творение функционирует как таковое и само по себе. Именно поэтому в «Ожидании обезьян» проблематизируются принадлежность произведения писателю и самостоятельность автора для художественного текста (тем сильнее это заметно и тем более проблемно, когда автор полностью совпадает с героем, несамостоятельным априори).

Важно заметить, что, поскольку текст выступает «жизнью», то и механизмы, его образующие, имеют философский, относящийся к жизни смысл. Для прояснения содержательной наполненности того структурного эксперимента, который реализует Битов в коммуникативной структуре, обратимся к философским положениям о мироустройстве – их выдвигают Павел Петрович и нарратор.

В одной из сцен «Человека в пейзаже» Павел Петрович приходит к выводам, иллюстрирующим описанный нами механизм, о коммуникации творца и творения: «Творение может не удовлетворять, но вряд ли в нем можно что-то исправить: *сотворенное, оно не принадлежит создателю*. Ты перечитываешь свои книги, ты можешь поправить хотя бы опечатку во всех экземплярах? <...> Творец не может войти в контакт с творением, когда оно закончено, как бы оно ни огорчало его. Он может его лишь уничтожить. Но оно ведь живое! Единственный способ находит Господь – *отделить себя от себя, послать другого себя, сына своего...*» (курсив наш – А.П.)²⁴. Вопрос, волновавший пейзажиста и заданный в начале дискуссии двух героев («В пейзаже на все есть ответ... но почему “по образу и подобию” – нет ответа»²⁵), разрешается *определением божественного в мире*: «А всё – отдельно, все отдельно! <...> Не завершено, недомалевано, сшито на живую... Стоп! <...> Вот что живо, вот что грандиозно, вот что велико и божественно – нитка! Нитка-то – живая! Она-то и есть присутствие Бога в Творении!»²⁶. Итак, творение не принадлежит Творцу – мир не принадлежит Богу. Обнаружить возможно только «нитку»²⁷ – саму сотворенность: явление мира как произведения, его «сделанность», «сшитость» – как симптом. Что назвать определением этой «сделанности»? Как представляется, она обнаруживается в процессе философского познания, а эксплицируется *в процессе создания произведения*. Это и делает нарратор «Оглашенных». Кроме того, «автор» помещает в текст-жизнь героя, созданного по своему «образу и подобию»²⁸. Эта операция повторяет то, что сделал, по словам Павла Петро-

²⁴ Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 137.

²⁵ Там же. С. 114.

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 114.

вича, сам Бог²⁹, однако ее цель для автора заключается не в уподоблении себя Богу в, так сказать, психологическом смысле, а в создании условий для обнаружения «нитки» (доказательства божественного присутствия) и собственного места в Творении. Воплощением этой задачи разрешается вопрос о роли и сущности человека: поскольку человек способен создать произведение, он может использовать творчество для познания.

Подобие реальности и литературы имеет не только структурное, но и идеологическое и религиозное значение. Однако подобное с подлинным связано не генетически, а типологически – так, по мысли Павла Петровича, через Иисуса (Божьего сына, а не подобия, как Адам), Бог «усыновил» и все Творение³⁰. Значит ли это, что, когда речь идет о «личном отношении» автора к герою у Битова³¹, осуществляется нечто в идеологическом смысле сходное с созданием Богом не Адама, но Иисуса? Отношения битовских «автора» и героя действительно лиричны.

Итак, герой познает, поскольку создает произведение. Структура наррации повторяет структуру мира, выраженную в содержании. Если «нитка»³² – это след Творца в Творении, то ее обнаружение в ходе познания, осуществляемое в процессе творчества, – это, по существу, обнаружение не Бога, а условия, доказательства Бога. Кроется оно в самом этом процессе постижения – дальше себя самой человеческая мысль проникнуть не может. Познание не способно завершиться, как невозможно до конца постигнуть жизнь – и битовский герой не совершен, его можно назвать вечно становящимся³³. С такой точки зрения объясняется и мотив ожидания в последней повести, и ситуация «пожизненной оглашенности»³⁴, заданной содержанием всего романа.

В статье «Литературный герой как герой» Битов отмечает: «Героя по-прежнему нет. Кроме самого писателя, пытающегося остаться человеком, с тем чтобы отразить подобный опыт»³⁵. «Сам писатель» необходим как единственная инстанция, порождающая героя. А по существу же – и не героя даже, а только опыт его создания. В отношении романа «Оглашен-

²⁹ «Единственный способ находит Господь – отделить себя от себя, послать другого себя, сына своего...». См.: Там же. С. 137.

³⁰ Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 137.

³¹ Бочаров С. Ахиллес и черепаха // Новый мир. 2008. № 2. С. 168-177.

³² Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 136.

³³ Ср. категорию «вечного настоящего» у Роднянской (Роднянская И. Новые сведения о человеке // Битов А.Г. Обоснованная ревность: повести. М.: Панорама, 1998. С. 6-20) и мысль Басинского: «Битов – не в законченности, а в продолжении» (Басинский П. Битов как текст. Автор «Пушкинского дома» отмечает юбилей // Российская газета. 2007. № 4374).

³⁴ Бочаров С. Ахиллес и черепаха // Новый мир. 2008. № 2. С. 168-177.

³⁵ Битов А.Г. Литературный герой как герой. Рассуждение в жанре интеллектуального примитива // Звезда. 2004. № 1. С. 198-201.

ные» можно сказать, что в отражении этого опыта реализуется познание жизни: метатекст отражает процесс постижения.

Идеологическая интенция метапрозы как художественного принципа

Битовский писатель обретает божественное не в своем произведении, а в вечности его создания. Он теряет самость, личностные очертания, зато обретает единение со «средой». Для метатекстуального сюжета о писательстве это среда художественного дискурса, причем в «Оглашенных» – лично авторского, а не культурно-исторического. Битовский герой собственное биографическое прошлое осуществляет в своем же писательском настоящем. Так роман приобретает метапоэтичность и нон-фикциональность. Построенную на этих поэтических основаниях идею отношений мира («среды» – творения), человека и Бога венчает «Попытка утопии. Размышление о конце века» – мистифицированное (написанное от лица нарратора в подчеркнуто «авторской» его роли³⁶) приложение к роману.

«Размышление» касается исторической и политической проблематики. Битов в этом тексте разрабатывает вопросы, связанные с советской историей и «концом века» вообще, в философском, экзистенциальном, социологическом и психологическом преломлении. Здесь поднимаются проблемы последствий советского режима³⁷, политики и истории; «конца» как философской категории, ментальной доминанты, самоощущения людей последних десятилетий XX века³⁸, и тема страха как экзистенциального итога исторических событий и одновременно их обязательного условия³⁹.

Сам факт рассуждения о терроре истории и рефлексии над его последствиями в восприятии личности справедливо будет назвать постмодерни-

³⁶ «Речь написана под непосредственным влиянием бесед автора с Павлом Петровичем...» См.: Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 404.

³⁷ «Нам, в России, проще: у нас понятно, ЧТО кончилось. Империя, например... Мы-то уж знали, чего бояться: Сталина, ЧК, ЦК, КПСС, КГБ, МПС, ГКЧП. Эти скрипучие аббревиатуры, которые уже не слова человеческие, суть синонимы и страха нечеловеческого. И мир зато знал, чего бояться: нас, называя наш страх коммунизмом <...> Опять страх и сопутствующая ему гонка вооружений». См.: Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 407-408.

³⁸ «Хотя бы за последние два-три года мне посчастливилось присутствовать на похоронах той или иной категории человеческого сознания. То был КОНЕЦ ЛИТЕРАТУРЫ, то КОНЕЦ ИСТОРИИ, то КОНЕЦ ИДЕОЛОГИИ, то КОНЕЦ ПРОРОКОВ, то даже КОНЕЦ РЕФЛЕКСИИ. Естественно, все это происходило еще и под общей маркой: КОНЕЦ ВЕКА...». См.: Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 404.

³⁹ «...что есть Сталин, КГБ, коммунизм, фашизм, лагеря, тюрьмы, пушки, бомбы, ракеты, как не персонификация нашего страха перед реальностью? Разве не мы сами их сделали? Кого же мы боимся? САМИХ СЕБЯ». См.: Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 405.

стским. Любопытно, однако, к какому выводу и выходу Битов приводит эти разработки, могущие считаться общим местом в культуре постмодерна. Ответом на проблемы века, экзистенциальную травму человечества, охваченного страхом, становится *вера*⁴⁰. Тема веры в романе может быть рассмотрена как одна из важнейших концептуальных итогов разговора о власти. Идеологический итог, к которому Битов приходит в «Попытке утопии» в рамках темы «конца века», созвучен с концептуализацией проблем внутри романа, касающихся более общих тем (разумеется, их нельзя не мыслить как рефлексию над советской историей, однако настолько прямо – так, как в приложении – она в сюжете не заявлена): проблема места человека в мире, поиск «настоящего» и «реального»⁴¹, определение власти, личности и жизни как таковой – все это разрешается нахождением божественной природы сущего. То же возможно и в рамках политической проблематики. Если военная техника представляет собой «НЕ-жизнь»⁴², а «боимся мы НАСТОЯЩЕГО, РЕАЛЬНОСТИ» и «САМИХ СЕБЯ»⁴³ в этой реальности, то достаточно осознать свою власть, но в ином ключе. Отказаться от *внешней власти как от агрессии* – и обрести *подлинную, внутреннюю* – в полном обладании реальностью, жизнью и настоящим – веруя.

Итак, в рамках тем идеологии, политики и истории роман в приложении предлагает тот же вывод, что и в своей основной части, где тематизация шире. В приложении он выражен содержательно, и структурного анализа не требует. Его вполне можно считать концептуализацией политико-исторической тематики текста, ее итогом. Однако, на наш взгляд, содержание выраженной в приложении идеи не исчерпывает ни всего содержательного наполнения романа с его прочими темами, ни даже саму эту историческую тематику.

Помимо рассуждения над историей и его религиозного итога, изложенные в «Попытке...», роман, как кажется, предлагает нечто еще: *тип творческой практики и творческого мышления*, которое продуктивнее всего анализировать на материале формы. Семантику этих категорий нельзя определить рамкой конкретной темы, поскольку она реализуется преимущественно в структуре – сама по себе она способна сказать больше, чем готовые формулы содержания. Наиболее продуктивным «ключом» к смыслам романа представляется его метатекстуальное наполнение.

⁴⁰ «А если мы боимся самих себя, то, значит, все от нас и зависит. Не стоит ни отчаиваться, ни опускать руки. Все в нашей власти. Когда мы эту свою власть осознаем, то тут же и утратим ее, потому что все тогда окажется в РУЦЕ БОЖЬЕЙ... Без веры жизнь бессмысленна». См.: Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 405-406.

⁴¹ Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 405.

⁴² Там же. С. 407.

⁴³ Там же. С. 405.

Битов воплощает новую форму литературы и литературности, присваивает им парадоксальные, новые качества: фикциональный текст теряет привычную дистанцию с жизнью. Примечательно, что такой подход в литературе ведет к ее аннигиляции, поскольку посягает на ее автономность – преодолевает и уничтожает художественный дискурс. Жаккар пишет о роли автореференциальности литературы, формирующей ее собственный замкнутый код: «...литература ориентирована не на внешний мир, а на саму себя, на возможность “себя показать” и тем самым сделаться автономной реальностью», «именно эта автономность помогает литературе выжить, несмотря на попытки извне подчинить ее каким-то требованиям, неважно, – политического или эстетического толка»⁴⁴. *Битов же говорит в своем метанарративе не столько о литературе, сколько о жизни, поскольку «поступает» он в ней «как в жизни»*⁴⁵.

У битовского метатекста особая идеологическая задача (совпадающая с замыслом всего романа): его функции отличаются от главнейшей функции автореференциальности, которую формулирует Жаккар – обеспечение и условие автономности литературы⁴⁶. Если рассмотреть битовский метанарратив с двух предложенных Жаккаром позиций – как «автореференциальность внутреннюю по отношению к произведению» и «внешнюю»⁴⁷ – можно прояснить ту ее особенность, о которой идет речь. «Внутренняя» автореференциальность будет заключаться в истории повествования – метафикшне. «Внешняя» же, по мысли Жаккара, должна вступать в семантические связи с дискурсом всей литературы⁴⁸ – речь, по всей видимости, идет об интертекстуальности. Однако «Оглашенные» по своему замыслу и идеологическому значению стремятся к полному преодолению собственной литературности: романом, художественным текстом в привычном смысле его делает только фигура «Автора», причем нарочито неубедительная; роман как можно сильнее содержательно приближает свой художественный мир к реальному, и то же самое делает на уровне структуры: паратекст продолжает содержание основной части.

Любопытно переосмыслить в связи с этим мысль Жаккара о «реальности» художественного: «...единственная действительно реальная вещь в произведении искусства – само произведение»⁴⁹. Как кажется, Битов обнажает этот особый и единственный факт реальности текста – в самом его

⁴⁴ Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 12.

⁴⁵ Битов А.Г. Пушкинский дом. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 399.

⁴⁶ Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 12.

⁴⁷ Там же. С. 14.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 12.

наличии – и, не претендуя ни на какую другую, которая оказалась бы созданной и навязанной автором, создает не статическую, а процессуальную художественную действительность. В ней действительно «ничего не придумано»⁵⁰: существуют только акт и продукт творчества; и существуют они в единственной форме, доступной любому явлению и предмету – в границах жизни. Согласно своему философскому замыслу, роман заключает художественную реальность не в эстетические рамки дискурса, а в познавательно-этические рамки жизни, искомую сущность которой ставит себе в условие, среду, код.

Мы имеем дело с фактом художественного опыта, который отрицает свою художественность, отказывается от литературности – господства автора над героем в рамках собственной метапоэтики. Битовская идеология настаивает на преодолении замкнутости постмодернистского «разговора о себе», расценивая его как несвободу, гордость, страх подлинной реальности. Вместо этого она в исторических условиях осмысляет ортодоксальную идею божественного присутствия и обнаруживает, что вот ее-то преодолеть невозможно. Структура нарратива и коммуникации в романе повторяет, воплощает ситуацию нахождения субъекта в так устроенной реальности. Металитературность в рамках такого замысла превращается не в литературный, а, скорее, в философский опыт, осуществленный художественным методом.

Литература

Басинский П. Битов как текст. Автор «Пушкинского дома» отмечает юбилей // Российская газета. 2007. № 4374.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подг. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 9-192.

Битов А.Г. Азарт, или Неизбежность ненаписанного // Звезда. 1997. №7. С. 108-154.

Битов А.Г. Литературный герой как герой. Рассуждение в жанре интеллектуального примитива // Звезда. 2004. №1. С. 198-201.

Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009.

Битов А.Г. Пушкинский дом. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

Бочаров С. Ахиллес и черепаха // Новый мир. 2008. № 2. С. 168-177.

⁵⁰ *Битов А.Г.* Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные: роман-странствие. СПб.: Амфора, 2009. С. 5.

Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Лотман Ю.М. Текст в тексте // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 30-42.

Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997.

Роднянская И. Новые сведения о человеке // Битов А.Г. Обоснованная ревность: повести. М.: Панорама, 1998. С. 6-20.

Шмид В. Андрей Битов – Мастер «островидения» // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 27, 1991. С. 5-11.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

References

Bakhtin M.M. Avtor i geroi v esteticheskoy deyatel'nosti [The author and the character in aesthetic activity], in Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986. P. 9-192 (in Russian).

Basin'skiy P. Bitov kak tekst. Avtor "Pushkinskogo doma" otmechaet yubiley [Bitov as text. The author of the "Pushkin House" celebrates his anniversary]. *Rossiyskaya gazeta*. 2007. N. 4374 (in Russian).

Bitov A.G. Azart, ili Neizbezhnost nenapisannogo [Excitement, or the Inevitability of the Unwritten]. *Zvezda*. 1997. N. 7. P. 108-154 (in Russian).

Bitov A.G. Literaturnyy geroi kak geroi. Rassuzhdenie v zhanre intellektual'nogo primitiva [A literary character as a hero. Reasoning in the genre of intellectual primitive]. *Zvezda*. 2004. N. 1. P. 198-201 (in Russian).

Bitov A.G. *Imperiya v chetyrekh izmereniyakh. Izmerenie IV. Oglashennyye: roman-stranstvie* [An empire in four dimensions. Dimension IV. Catechumens: a novel journey]. Saint Petersburg: Amfora Publ., 2009 (in Russian).

Bitov A.G. *Pushkinskiy dom* [Pushkin House]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubino, 2022 (in Russian).

Bocharov S. Akhilles i cherepakha [Achilles and the Turtle]. *Novy mir*. 2008. N. 2. P. 168-177 (in Russian).

Lotman Yu.M. Tekst v tekste [Text within the text]. *Obrazovatelnye tekhnologii*. 2014. N. 1. P. 30-42 (in Russian).

Lipovetskiy M.N. *Russkiy postmodernizm. (Ocherki istoricheskoy poetiki): Monografiya* [Russian postmodernism. (Essays on Historical Poetics): The monograph]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 1997 (in Russian).

Rodnyanskaya I. Novye svedeniya o cheloveke [New information about a person], in Bitov A.G. *Obosnovannaya revnost': povesti* [Justified jealousy: stories]. Moscow: Panorama Publ., 1998. P. 6-20 (in Russian).

Shmid V. Andrey Bitov – Master “ostrovidenia” [Andrey Bitov – The Master of “Ostrovideni’e”]. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27, 1991. P. 5-11 (in Russian).

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003 (in Russian).

Zhakkar Zh.-F. *Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu: Izbrannye raboty o russkoy slovesnosti* [Literature as it is. From Nabokov to Pushkin: Selected works on Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011 (in Russian).

Overcoming Postmodernism: the Author in the Communicative Structure of A. Bitov’s Novel “Catechumens”

Polina Avdiyuk, student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), peavdiuk@edu.hse.ru

Studies of modernist and postmodern literature express the poetic and philosophical significance of metatext in the concept of metafiction (meta prose). It seems that through the analysis of the metaprose’s communicative structure, the ideological potential of the literary metatext in the postmodern system of meanings can be subjected to critical reflection. Andrey Bitov’s novel «Catechumens» develops the topic of the Writing, which expresses meaningfully and structurally. In our opinion, it is the structure of the narrative that is able to reveal its ideological meaning, given the metafictional setting.

Keywords: communicative structure of the meta prose, author and character, literature and reality, creative philosophy of postmodernism

For citation: Avdiyuk P.E. (2025) Overcoming Postmodernism: the Author in the Communicative Structure of A. Bitov’s Novel “Catechumens” // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 1. P. 79-93.

Date of receipt: 23.01.2025.